

повиновения ему, как мировой закон сверхземного авторитета, мирового владыки и творца. Этой тенденцией были пронизаны все элементы книжной композиции, не исключая и книжного языка, чужого и малопонятного, специально созданного для иноплеменных славян путем переложения греческой или латинской речи религиозных книг тех средиземноморских очагов, которые уже не могли существовать без эксплуатации варваров через их обращение в своих колонистов. Наиболее действенная, загадочная сторона книжной магии от малопонятности и невразумительности речи только выигрывала.

Представим себе некоторые результаты огречивания книжной грамотой русского населения X—XI в. Старых богов привязали к лошадиному хвосту и стащили в реку. У одних это вызвало сожаление, у других, натерпевшихся от прежней жреческой касты, вызвало насмешки, не без опасения мести со стороны сверженных идолов. Но чужая новая магия большинство, вероятно, не радовала, тем более, что на усвоение ее хитрой грамоты требовалось потратить много сил. «Крещение» происходило насильственно, и насильственное же обучение грамоте по незнакомым религиозным книгам вызывало печаль даже у знати, несмотря на то, что магическая грамота предвзначалась укрепить ее привилегии.

Естественно предположить, что в рассматриваемое время со стороны большинства населения был протест против грамоты, против книги. Протест, выражавшийся и в прямом нападении. Фактов такого нападения до нас, кажется, не дошло, но ведь нельзя их отрицать только потому, что они не попали в запись, или запись их не сохранилась. Они необходимо были, так как известно напряжение, с каким продвигалась книга нового, более стесняющего уклада в общество старого уклада, так как известна сила книжной вражды с жизненными явлениями нереформированного быта. Жрецы нового культа всячески продвигали книгу в массы, перед церковной аудиторией ее читали нараспев, ее пели, по ее специальному, культовому тексту обучали грамоте и т. д. Книгу хвалили в проповедях, — конечно, только «святую» книгу, — объясняли, как ее нужно читать, медленно штурдовать и бережно с ней обращаться. Эти проповеди о глубине познания, святости, спасения через писанную книгу нападали на неписанную книгу, на устную литературу, на песни, сказки, басни и кошуны, на привычные поверья старой магии родового общества, на персонажей прежнего Олимпа, на действия его культа. Оглашаемые книгой требования новой культовой